

Иван Кудимин

09847007348

POLAROID © 32

Атлантышки

16+

Маленькая страна посреди Великого океана

Иван Кудишин
Атомные Ринки

«ЛитРес: Самиздат»

1994

Кудишин И. В.

Атомные Ринки / И. В. Кудишин — «ЛитРес: Самиздат»,
1994 — (Маленькая страна посреди Великого океана)

При словосочетании «сиамские близнецы» у большинства из нас возникает ассоциация с глубоко несчастными, физически ущербными людьми. А что если ниже пояса это – один человек, а выше – два? Я был некогда лично знаком с такими, которых я описал... И мое впечатление – это были не «недо-», а «сверх-» - люди. И в умственном, и в физическом отношении. Эта вещь посвящена сиамским близняшкам Ирише и Марише Соловатиным. Мне стало пусто в этом мире без них, и я решился реконструировать их судьбу далее.

Содержание

1968 год.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ире и Марине.

1968 год.

-Двигатель горит!

Эта фраза живо заставляла подумать о завещании любого пилота бомбардировщика В-52. А если на борту находится горячий атомный реактор... Красный транспарант на приборной доске зловеще мигал уже несколько секунд, даже беглого взгляда в окно пилотской кабины было достаточно, чтобы волосы на голове встали дыбом: самый ближний к фюзеляжу двигатель по правому борту стал внезапно плевать черным дымом.

Командир экипажа, мгновенно отреагировав, убрал подачу топлива к двигателю номер пять и включил систему пожаротушения.

– Как там дела, второй?

– Плохо, сэр. Движок ровно дымит, из сопла хлещет пена.

– Радист!

– Да, сэр!

– Дикки, передавай "мэйдэй" (международный радиосигнал бедствия – Авт.) и свяжись со штабом ВВС. Будем срочно просить посадку. А то и сами изжаримся, и дел натворим!

В переговоры вклинился голос начальника инженерной команды, обслуживавшей реактор:

– Командир, у нас, похоже, проблемы?

– Да, и серьезные. Глушите чертов котел и приготовьтесь сбросить его.

– Куда?! В море?

– В море! На землю! Куда угодно!! У нас скоро крыло прогорит.

Восьмимоторная "Стратосферная крепость" с эмблемами НАСА и Министерства энергетики США взлетела двадцать шесть часов назад с калифорнийской авиабазы Эдвардс и направилась в беспосадочный перелет вокруг Земли с работающим атомным реактором на борту. Целью полета являлось доказательство возможности применения атомной энергетической установки нового поколения на тяжелом бомбардировщике. Позади остался Атлантический океан, Африка, Мадагаскар, Шри-Ланка, Сингапур, Филиппины, Австралия... Экипаж и специалисты, обслуживающие реактор, собирались принимать поздравления: оставалось «всего лишь» пересечь Тихий океан. Топлива хватало – последняя дозаправка прошла севернее австралийского порта Дарвин. И тут – на тебе! По опыту эксплуатации В-52 было известно, что пожар двигателя на этой машине ликвидировать очень трудно, почти невозможно. Огонь, перекинувшись на крыло, плавит и прожигает тоненькую обшивку, под которой расположены полупустые топливные баки...

...– Сэр, на связи штаб ВВС.

Голос генерала Чарлтона был слышен плохо, мешали атмосферные помехи:

– Слышим Ваш "мэйдэй". Ближайшая авиабаза, которая сможет Вас принять – это Сэйлемс-Гроувер в Новой Калифорнии.

– Но это же Сэнгамон, генерал.

– Президент поставлен в известность, он сейчас будет говорить с их руководством. Ждите связи с сэнгерами.

Штурман, не теряя времени, начал прокладывать курс на Сэйлемс-Гроувер. Двигатель дымил сильно и ровно, серый шлейф растянулся за самолетом на несколько километров. Система пожаротушения сработала неэффективно.

– Командир, шестой перегрелся. Отключаю. – сказал второй пилот и убрал подачу топлива к двигателю, находившемуся в одной гондоле с загоревшимся.

Пробежав глазами по приборной доске, командир связался с инженерной командой:

– Ребята, как дела?
– Стержни вдвинуты уже на треть, сэр. Еще минут через сорок можно будет сбросить реактор.

– Работайте. Как только закончите – за борт его!

– Понял!

– Сэнгамон на связи, сэр!

– Командир корабля полковник Стрэйкер.

– Мистер Стрэйкер, говорит авиабаза Сэнгамонских ВВС Сэйлемс-Гроувер. Мы даем Вам гражданский воздушный коридор 3Q – из соображений безопасности, под ним болота. Держим этот канал открытым для связи с вами. Высылаем истребитель для сопровождения.

– Боюсь, мы плохо знакомы со здешними воздушными трассами.

– Понял. Диктую координаты для Вашего штурмана...

Шлейф дыма из двигателя стал черным. Из сопла выбивались уже трепещущие оранжевые язычки пламени. Проседая, "Крепость" развернулась на новый курс. До Гроувера оставалось около часа лета.

...Командир базы Сэйлемс-Гроувер генерал Уолт Годуэлл, получив приказ принять В-52, распорядился очистить самую длинную полосу и подогнать к ней пять пожарных машин. Истребитель, получивший задание встретить злосчастную "Крепость", ревя турбинами, пронесся мимо командно-диспетчерского поста и начал набирать высоту.

Все меры были, вроде бы, приняты. И тут зазвонил телефон. Годуэлл снял трубку:

– Генерал Годуэлл.

– Говорит Бакнер, сэр. Мы предприняли меры по эвакуации людей?

– Вы о ком, майор? Персонал базы проинструктирован о возможной радиационной опасности.

– Я о той ферме на болотах. Она находится как раз под коридором 3Q.

Годуэлл от души выругался.

– Там есть телефон?

Нет, сэр. Придется, наверное, послать вертолет.

– О'кей. До расчетного времени посадки "Крепости" еще час. Сколько займет вся операция?

– Минут сорок.

– Действуйте!

Через полминуты над головой Годуэлла низко прошел на предельной скорости небольшой вертолет "Турбо-Ацтек".

В вертолете было шесть свободных мест. Если потесниться – семь. Командир машины Септимиус Лемэй обратился ко второму пилоту:

– Как думаешь, Тони, сколько там народу?

– Полагаю, человека три – четыре. А что, думаешь, больше?

– Закон бутерброда, Тони.

Тони Черповодски не ответил. Его отец, воевавший во Вторую мировую, учил его, что солдат должен привыкнуть рисковать своей жизнью. Для себя Тони решил, что если мест в вертолете не хватит, он останется на ферме.

Они летели низко, болотистые равнины с проблескивавшими тут и там лужами воды пронеслись под вертолетом. Лемэй не щадил двигателя: времени оставалось очень мало.

Наконец, после четверти часа этой безумной гонки, впереди оба они увидели группу приземистых строений, сгрудившихся на большом острове посреди болота. Лемэй потянул ручку управления на себя, вертолет задрал нос и погасил скорость. Поднимая тучу брызг, он завис над фермой. Лемэй огляделся в поисках места для посадки. Облюбовав широкую неровную лужайку с чахлой травой за домами, где стоял другой вертолет, видимо, хозяйский, коман-

дир мастерски притер "Ацтек" рядом с ним. Не дожидаясь, пока останются лопасти, Лемэй и Тони отстегнули ремни и выпрыгнули наружу. К ним уже бежали люди.

Вместо приветствия пожилой мужчина – гигант в старой болоньевой ветровке и джинсах неопределенного цвета, неприветливо уставившись на вертолетчиков, произнес:

– Н-ну?

– Мистер Лаймонгуд, я полагаю? – осведомился Тони.

– Ну-у...

– Мы должны, по предписанию нашего командования, эвакуировать людей с Вашей фермы. Скорее всего, ненадолго. Собирайтесь, на сборы десять минут.

– В чем проблема, малыш? – хмуро спросил Лаймонгуд.

– Самолет с атомным оружием на борту терпит бедствие неподалеку. Возможно радиоактивное заражение. Пожалуйста, хватит вопросов! Собирайтесь.

– Хорошо, сынок, да только мы все в вашу барбухайку не влезем.

– Сколько народу-то?

– Двенадцать человек.

– А как же Ваш вертолет?

– Поломался, сукин сын. Что-то пустячное с зажиганием, но заводиться не хочет.

– Так, мистер Лаймонгуд, Вы собирайте людей, Тони, готовь наш вертолет, а я посмотрю, что там сломалось. – сказал Лемэй и поспешил к «Беллайрусу» Лаймонгуда.

Тони забрался в кабину и запустил двигатели. Лопасти стали медленно вращаться на холостом ходу. Лемэй уже поднял капот на борту хозяйского вертолета и копался внутри, через минуту он вскочил в кабину и стал пытаться запустить двигатель. Заверещал стартер, мотор чихнул и смолк. Тони взглянул на таймер: прошло уже двадцать три с половиной минуты с момента их взлета. "Опаздываем..." – подумал он и взглянул в сторону строений фермы: оттуда бежали люди, в основном – женщины с детьми. В их толпе выделялась могучая фигура Лаймонгуда. Лемэй вылез из кабины и, ругаясь, побежал к "Ацтеку".

– Не заводится, железка идиотская! А этих-то сколько!

– Без паники, Септи, детей много.

На всех сидениях "Ацтека", кроме пилотского, разместили взрослых – пятерых женщин и троих мужчин. Хныкающих детей в возрасте где-то от трех до пяти с грехом пополам усадили взрослым на колени. Тони уселся на порожке сдвижной двери – внутри места уже попросту не было. Септи потянул ручку газа, вертолет, судорожно хлопая лопастями и ревя турбинами, приподнялся над землей на метр, завис и плюхнулся обратно. Почти двукратная перегрузка не давала ему взлететь. Дети дружно заревели в голос. Септи попробовал еще раз, увеличив мощность до чрезвычайной. На этот раз все прошло успешнее: машина зависла и стала набирать высоту и скорость. В этот момент на приборной доске вспыхнул транспарант "Перегрев двигателей". Лемэй выключил чрезвычайный режим, вертолет ошутимо просел, почти коснувшись лыжами травы. А впереди, как на грех, оказалась теплица с шампиньонами. Тони чертыхнулся и прыгнул вниз. Вертолет, став легче, вновь взмыл и, зацепив конек тепличной крыши, перемахнул через постройку.

Мягко приземлившись на траву, Тони встал и проводил вертолет взглядом. Септи удалось набрать высоту, и машина понеслась в сторону Гроувера. Раздался требовательный писк вызова портативной рации Тони. Он вынул ее из брезентового гнезда на бронежилете и ответил:

– Черповодски на связи.

Голос Септи дрожал от бешенства:

– Тони, кретин, зачем это проклятое геройство?! Я возвращаюсь за тобой. Прием.

– Только попробуй, Септи, и я больше в жизни тебе руки не подам. Спаси их, я здесь пережду. Прием.

– Альтруист вонючий! Подумай о своей жене, о матери... Ты же по ночам светиться будешь! Я возвращаюсь. Прием.

– Ты хочешь, чтобы все твои пассажиры тоже светились по ночам? Перестань паниковать, Септи, нет никакой гарантии, что эта дрянь рухнет именно сюда. Делай свое дело. Связь закончил.

Отключив рацию, Тони подошел к крыльцу дома Лаймонгутов, сел на ступеньки и стал вглядываться в горизонт на юго-западе, откуда следовало ожидать появления В-52.

...Огонь объял уже оба двигателя связки. Сквозь плотное тело пламени летчики видели, как плавится и теряет форму обшивка гондолы. Начинал гореть пилон. Полковник Стрэйкер, поседевший за последние двадцать минут, тянул к Сэйлемс – Гроуверу. Прямо над пилотской кабиной висел сэнгамонский истребитель, сопровождающий "Крепость". В-52 летел уже над болотами на высоте пять километров.

– Сэр, реактор заглушен, готов к сбросу. – раздалось в наушниках.

Вместо ответа командир нажал кнопку открывания створок грузоотсека, а когда лампочка на пульте подтвердила, что они открыты, Стрэйкер, облегченно вздохнув, нажал гашетку сброса. Гигантский цилиндр выпал из брюха "Крепости" и устремился вниз.

Реактор был снабжен парашютной системой, обеспечивавшей его безопасный сброс. Но в ней что-то не заладилось: один парашют вышел из контейнера раньше времени и зацепился за створку бомбоотсека. Майлар купола с треском разорвался, и реактор теперь падал с большей, чем допускалось, скоростью, да еще и самым уязвимым местом – системой охлаждения – вниз.

Тони видел, как от горящего самолета высоко в безоблачном небе отделилось нечто и стало снижаться на парашютах. Молодому летчику стало не по себе: уж очень сильно это походило на атомное бомбометание. "Да ведь так оно и есть..." – подумал он, всматриваясь. Сброшенный самолетом длинный ярко-желтый цилиндр падал чересчур быстро. Снижался он с большим креном, из-за того, что с одной стороны его держало четыре парашюта, а с другой – три. Громада цилиндра рухнула в болото в полукилометре от фермы. Еще не погасшие купола скрыли клубы густого белого пара, до Тони долетело зловещее шипение. Пар понесло ветром на ферму...

Септи прилетел за ним через час. "Крепость" села благополучно, пожар погасили. Лемэй вместо привычного летного обмундирования облачился в громоздкий противорадиационный костюм. Он не приземлялся, Тони вскочил в кабину висящего в полуметре от земли вертолета. Септи всю дорогу до базы приглушенно сквозь респираторную маску честил Черповодски на чем свет стоит. Едва они приземлились в Гроувере, как вертолет окружили дозиметристы, так же, как и Лемэй, одетые в тяжелые антирады. Тони мысленно простился с жизнью: несмотря на то, что он успел натянуть противогаз до того, как его накрыло радиоактивным облаком, доза могла оказаться смертельной. Его тут же, у вертолета, раздели догола, и повели в душевую.

* * *

– Молодой человек, Вы родились в костюме – тройке. Мы, конечно, Вас еще понаблюдаем, но по-моему, последствий у Вашего приключения не будет. – говорил Тони врач. Прошла неделя после аварии американского бомбардировщика, Черповодски провел ее в изоляторе Гроуверского стационара. Его обследовали на лейкемию, искали отложения нуклидов, просто наблюдали за его самочувствием. На здоровье Тони никогда не жаловался, не подвело оно и на этот раз. Радиацию удалось смыть, а внутрь ничего так и не попало благодаря вовремя надетому противогазу.

Ферма же Лаймонгутов оказалась заражена очень сильно, как и территория на пятьдесят миль к югу от места падения реактора: порывистый северный ветер разнес пар, в который превратилась охлаждавшая реактор вода. Хорошо еще, что трещина в системе охлаждения была невелика, а прочный внешний корпус сдержал выброс радиации и свел его к минимуму. Теперь реактором занялись специалисты, трещину в корпусе с помощью дистанционно – управляемых

роботов заварили. Больше Тони ничего не слышал об этом. Жертв, по счастью, не было: единственным человеком, попавшим в зону заражения, был он сам. Теперь его больше занимало другое: через несколько дней заканчивался контракт, а дома его с нетерпением ждала жена Шейла. Наконец-то военная служба останется в прошлом, деньги теперь можно будет не считать... Можно подумать и о ребенке.

Дни в госпитале тянулись долго. Наконец, врачи пришли к однозначному выводу, что Тони у них делать нечего. К тому же, пришло время собирать свои немногочисленные вещи и ехать домой.

– Вы уверены, капитан, что хотите нас покинуть? – допытывался у него генерал Годуэлл.

– Да, сэр, абсолютно. Служба мне нравится, но я – человек семейный, пять лет в армии для меня многовато. Хочу осесть, обзавестись домом, детьми.

– Что ж, я это так себе и представлял. Не буду говорить, насколько нам нужны вертолетчики экстра-класса, как Вы, Тони, и желаю удачи на гражданке. А если надумаете – знаете, как с нами связаться. Будем всегда рады Вам...

Транспортный самолет ВВС Сэнгамона, перевозивший джипы в Мэджик Сити, взял Черповодски на борт, и через час полета Тони в парадной летной форме сошел на бетонку аэродрома своего города. Поймав такси, он поехал домой.

Следующие три дня запомнились ему на всю жизнь, столько тепла и любви было отдано ему его зеленоглазой волшебницей Шейлой. Тони с непривычки вскакивал в шесть утра, ночью ему снились вертолеты, трудные задания, которые были ему не по плечу, во сне он почему-то терял контроль над собой, паниковал, ему казалось, что обязательно должно произойти что-то страшное, неотвратимое. Он летел куда-то на боевом вертолете, перед ним вдруг вырастала гладкая графитового цвета стена, он изо всех сил давил на гашетку, ракеты с визгом неслись вперед, врезались в преграду и... не оставляли на ней даже щербин.

Из кошмара его извлекали ласковые прикосновения губ Шейлы. Она, молоденькая банковская служащая, вчерашняя студентка, как никто понимала своего бедового муженька и еще – обожала его. За пять лет, что он служил, она ни разу не высказала недовольства, обиды или претензии, ведь ее Тони обеспечивал им будущее, а раз так – она готова была подождать.

Вскоре Тони, наконец, почувствовал себя дома. Они с Шейлой обошли всех друзей, съездили в Маргарита-Сити к матери Тони, купили машину – предел мечтаний, вишневый "Ягуар", вещь, о которой до армии не стоило и думать. Теперешний счет в банке позволял Черповодски не заботиться о хлебе насущном – на него было заработано. К тому же через полмесяца после возвращения Тони из армии Шейла почувствовала недомогание. Доктор подтвердил ее догадку – это была беременность.

Тони, счастливый и шальной, носился на "Ягуаре" по Мэджик-Сити, покупая кровать, стульчик, пеленки, распашонки, чепчики, сандалики и прочую амуницию для своего наследника. Шейле же было строго-настрого заказано выходить из дома по любому делу, кроме прогулок. Чтобы ей не скучать, к Тони переехала на время его мама, веселая неунывающая Вера. Вдвоем с Шейлой они частенько уходили на смотровую площадку над бухтой Мэджик и подолгу сидели там в шезлонгах, наслаждаясь прохладным океанским бризом. На ворчание Тони по поводу того, что она заставляет Шейлу много ходить, Вера приводила ему контраргумент, что, будучи беременной Тони, она всю гоняла на велосипеде и вообще себя мало ограничивала:

– Шевелиться ей надо, мой дорогой, а то, как рожать придет время – совсем обленится!

Так, в счастливых хлопотах, летели дни. Шейлин живот стал заметно округляться, шел пятый месяц. Она уже ходила в костюме для беременных. Взгляд ее зеленых глаз стал глубок, устремлен в себя. Она похорошела, бледность, столь обычная в прошлом, уступила место здоровому румянцу. Все было бы слишком хорошо, если бы однажды она не разбудила Тони, пожаловавшись на плохое самочувствие.

Боли начались неожиданно. Это было не шевеление плода и не схватки преждевременных родов. Боль ныла тупо и навязчиво, как приставучий комар. Длилось это до самого утра, когда боль ушла так же неожиданно, как и явилась. Шейла встревожилась не на шутку, несмотря на то, что Вера, как могла, старалась успокоить ее. Наутро Тони усадил жену в "Ягуар" и повез к доктору.

Тщательно осмотрев Шейлу, доктор пригласил Тони в кабинет. Было видно, что он взволнован.

– Мистер Черповодски, я не сторонник лжи во спасение.

– Ребенок умер?!

– Выслушайте. По результатам исследования могу сказать, что плод развивается аномально.

– Что это значит? – спросили хором Тони и Шейла.

– Все, что угодно. Возможны физические дефекты. Сердцебиение очень сильное, я бы сказал, что у вас будет двойня, но если сердца два, то бьются они в унисон. Возможно, это сиамские близнецы.

– Что нам делать? – спросил Тони.

– Извините меня, но я бы настаивал на том, чтобы вы отказались от ребенка, как это ни жестоко. Миссис Черповодски всего двадцать три, у вас еще будут дети. А доношивание этого плода может привести и к его гибели, и к смерти матери. Поймите, лучше сейчас пожертвовать этой неначавшейся жизнью, чем поставить под удар Ваше будущее.

– Если это сиамские близнецы, док, отчего это могло произойти?

– Тут может быть масса причин. Насколько я знаю, сиамские близнецы могут появляться в местах, где не все благополучно с радиацией.

– Черт побери! – воскликнул Тони – Об этом я не знал...

– А что, Вы облучились, мистер Черповодски?

– Да, угораздило.

– Давно?

– Н-нет, недавно... сравнительно. Но доктора сказали мне, что никаких последствий не будет.

– Для ВАС – возможно. О влиянии радиации на организм человека вообще известно не так много. Но для Ваших сперматозоидов это облучение могло дать весьма плачевный результат.

После долгого молчания Тони посмотрел на Шейлу:

– Решай, милая, что мы будем делать.

Не раздумывая, она ответила, подписывая себе приговор:

– Я буду рожать.

–Мистер Черповодски, я принес Вам плохую новость.– лицо пожилого профессора-акушера было бесстрастно – Мы не смогли спасти ее.

Тони покачнулся и схватился за косяк роддомовской двери. Пол ожил, пытаюсь уйти у него из-под ног. "Нет!.." – шепотом вскрикнул он.

–Сожалею и соболезную Вам, сэр. Она потеряла слишком много крови. Наша бригада сделала все возможное. Еще вчера стало ясно, что придется делать кесарево сечение, иначе ребенок просто не смог бы выйти на свет. А потом началось заражение и... все.

–А где... ребенок?..

–Она родила анацефала в четыре с половиной килограмма. При ее узком тазе остаться здоровой она могла лишь если бы мы извлекли плод по частям.

–Так почему же вы этого не сделали, черт побери?!

–Мы до последнего момента надеялись, что ребенок нормальный.

–Я хочу видеть ребенка.

–Вы уверены, мистер Черповодски?

–Да... Я уверен...

Профессор молча кивнул, и они в сопровождении санитаров спустились на лифте в цокольный этаж, где располагался больничный морг. В полутемном коридоре тянуло холодом и смертью. Санитар отворил массивную дверь холодильной камеры, зажег мощные лампы дневного света и посторонился, давая профессору и Тони пройти.

На мраморных столах лежало десятка полтора тел, покрытых простынями. Профессор провел Тони дальше, туда, где в стене были двери холодильных пеналов. Открыв одну из дверей, профессор на треть выдвинул носилки. Тони невольно содрогнулся. Существо, лежавшее в пенале, не закрытое простыней, не имело черепного свода, белые навывкате глаза без зрачков были полуоткрыты.

–Господи... Это же я сделал. Это я сделал!! Я убил ее!! О, Боже!! – Тони беспомощно посмотрел на профессора...

Потеряв Шейлу, Тони ненадолго задержался в Мэджик-Сити. Постоянное сознание своей вины в ее смерти иссушило его, сломило и растоптало. Продав все, что принадлежало им с Шейлой, он перевел деньги на счет матери и уехал в Сэйлемс-Гроувер. Там он подписал контракт на двадцать лет и с головой ушел в службу...

...В буфете Мемориальной больницы города Мэджик-Сити за угловым столиком завтракали пожилой сухопарый мужчина, профессор фон Далецки, и молоденькая девушка в крикливо-розовом легкомысленном платьице. Это была его племянница Оксетт. Знакомые и друзья считали Окс уникальным L'Enfant Terrible из-за неистребимого максимализма и радикальности суждений, что, впрочем, нисколько не умаляло ее достоинств. Ум Окс был не по годам проницателен, а язычок – остр, как скальпель ее дядюшки, одного из лучших хирургов – гинекологов в Сэнгамоне. Они только что встретились. Оксетт приехала из Маргарита-Сити навещать любимого родственника. Естественно, не прошло и трех минут после их встречи, как между ними уже разгорелась жаркая дискуссия:

– Как вы поживаете, герр профессор? Что новенького?

– Все по-старому, моя милая. Работы много. Сплошь молодые мамыши, самим еще в куклы надо играть, а они уже рожать торопятся.

– А аборт много? – Оксетт отпила апельсинового соку.

– Достаточно, Окс.

– Моя бы воля – я бы их вообще запретила! Согласись, при нашем уровне контрацепции можно бы и поумнеть, а не выступать в роли Бога – хочу – даю жизнь, хочу – убиваю. – Окс оседлала любимого конька, она до сих пор переживала за свою лучшую подругу, оставшуюся бесплодной в результате подобной операции.

– Ну, милочка, если оставить в стороне этические моменты, которыми пусть занимаются другие, могу тебе сказать, что эти новомодные гормональные пилюли обладают массой побочных эффектов, ими сложно пользоваться, приходится принимать каждый день, ("Тоже мне!" – фыркнула Окс) да и вероятность предохранения у них значительно меньше, чем у банального презерватива.

– И что же вы, эскулапы, можете предложить? Семидесятые годы на носу, а вы все еще ничего путного не придумали.

– Могу предложить одно – иметь всегда голову на плечах.

– Даже в постели?

– Даже в постели. И потом, моя дорогая, имей в виду, что каждый конкретный случай должен быть рассмотрен индивидуально.

– Что ты имеешь в виду?

– Три месяца назад я потерял молоденькую пациентку. Если бы вовремя был сделан аборт, она бы осталась жива и могла бы иметь детей.

– Почему же тогда этот ребенок убил ее?

– Родились сдвоенные девочки.

– Как? Сиамские близнецы?

– Да. Представь себе, Оксетт, ниже пояса это один человек, а выше – два.

– Почему? Из-за чего такое бывает?

– Это изменения на уровне генного кода, Окс. Результат радиоактивного облучения, по всей видимости.

– Надеюсь, она... они тоже умерли?

– Нет, они выжили, и даже сделали определенные успехи в своем развитии. Я имею в виду, успехи относительно своих сверстников.

– Боже мой! Ты с таким оптимизмом говоришь, как будто у этих бедняжек есть будущее!

– Все возможно, Окс. Конечно, скорее всего, они окончат свои дни в каком-нибудь закрытом пансионате для престарелых и инвалидов, но по-моему, у них все же есть шанс.

– О каком шансе ты говоришь, герр профессор! Они же не приживутся в социуме, не забывай об эффекте белой вороны. Ни образования, ни общения, ни семьи, ни счастья... Гуманнее было бы усыпить их, пока они еще жизни не видели.

– Вот тут-то ты, милочка, и попалась! Ты же сама пять минут назад говорила что-то о запрете абортов и о гуманизме к нерожденным детям, не так ли?

– Не лови меня на противоречиях, герр профессор! По-моему, ты эту историю выдумал, чтобы меня переспорить. Ну, или взял из какой-нибудь хрестоматии. Очень уж этот случай неправдоподобен.

– Хочешь взглянуть на них?

– Не откажусь, герр профессор, только завтрак доем. – В душе Оксетт царил сумбур, но не в ее правилах было идти на попятную.

Прикончив сухарницу, которую в больничном буфете готовили бесподобно, и запив ее остатками апельсинового сока из стакана профессора, девушка поднялась из-за стола:

– Пошли, дядюшка.

– Не пожалей потом.

Они ненадолго зашли в кабинет Далецки и облачились в белые накрахмаленные халаты. Оксетт последовала за дядюшкой в детское отделение. Они подошли к двери с надписью "Боксы". "Со мной" – сказал Далецки сиделке, попытавшейся остановить Оксетт. Фон Далецки пропустил Окс вперед.

В боксе номер пять никого не было, как ей сначала показалось. В углу стояла широкая детская кроватка, в какие обычно кладут двойни. На столике рядом были в беспорядке набросаны погремушки, стояла пустая бутылочка от детского питания.

– Ну что ж, иди. – сказал Далецки.

На ватных ногах Окс подошла к кроватке. На подушках лежали две очаровательные детские головки, тельце было прикрыто одеялом.

– Какие хорошенькие!.. – дрожащим голосом произнесла Окс.

Вдруг одна головка открыла глаза – ярко-синие, обрамленные пышными черными ресницами. Окс уже приготовилась к тому, что девочка заплачет, но та широко улыбнулась беззубым ротиком и, выпростав из-под одеяла ручонки, потянулась к Окс, что-то лепеча на никому кроме самих младенцев непонятном языке. Девушка обратила внимание, что одно плечико у нее заметно меньше другого. Разбуженная движением сестры, проснулась вторая девочка, решила было разреветься, но, увидев нового человека у своей кроватки, тоже заулыбалась. Оксетт отдернула одеяло и содрогнулась: чуть выше пояса туловища девочек сливались вместе. Бедра были непомерно широкие, а ножки – по виду намного более сильные, чем у обычного

трехмесячного ребенка. Существо оказалось абсолютно симметрично, плечики, обращенные друг к другу, были развиты несколько хуже, чем внешние.

– Мы зовем их Ринки. Правую половинку зовут Эрин, левую – Морин.

– Где их отец?

– Ему сказали, что ребенок умер.

– Зачем? Почему вы поступили с ним так жестоко? Лишиться сразу и жены, и ребенка...

– Я был обязан это сделать, Окс. Таков общий порядок. Да и он вряд ли смог бы дать им должный уход и воспитание, скорее всего, мучался бы сам и мучил их. Если бы мать осталась жива – тогда еще можно было подумать.

– Значит, родных у них нет. А кто за ними ухаживает?

– Сиделка Эххольм. Ты ее видела у входа в боксы. Она очень религиозна, считает Ринки чуть ли не знамением Армагеддона. Говорят, даже молится о ниспослании им – Далецки кивнул на девочек – смерти.

– Хороша святоша! А они вообще-то жизнеспособны?

– О да! Крепышки, каких еще поискать. Мы провели их полное исследование. Они держат головку с семи недель, сейчас уже вовсю резвятся, ползают, брыкаются. Почти не плачут, только если пеленки мокрые.

– А как у них с координацией?

– Ты имеешь в виду ножки? Мы сначала тоже опасались, что с этим будет проблема. Но когда проверили рефлексы, насколько это вообще возможно у таких маленьких детей, выяснилось, что ногами управляет Эрин. Так что в этом плане, скорее всего, они состоялись.

Тем временем близняшки, раздосадованные невниманием к своим особам, захныкали. Оксетт обернулась. Девочки обрадовано заулыбались и снова потянулись к ней.

– Возьми их на руки. – предложил Далецки.

Собрав в кулак все свое мужество, Окс взяла существо (существа?) на руки. Девочки хором рассмеялись и в четыре руки обняли ее. Вмиг страха ее рассеялись, и в душе всколыхнулось что-то теплое, материнское. Она обняла Ринки и взглянула им в глаза. Этот момент навсегда остался у нее в памяти: в глазах крошечных близняшек не было ни боли, ни страдания. В них светилось озорство, радость и умиротворенность. Окс положила девочек в кроватку, дала им погремушку и стала с ними играть. Далецки смотрел на племянницу со странной улыбкой.

– Ну вот, моя милая, а ты говоришь – усыпить! Да эти малявки влюбят в себя кого хочешь!

– Дядюшка, милый, прости меня! Ты же знаешь, что я иногда бываю несносна. Что с ними будет дальше?

– Они сейчас здоровее любого ребенка в отделении, так что держать их здесь больше не имеет смысла. Мы подали запрос в Дома инвалидов Мэджик-Сити, Доркера и Маргарита-Сити. Сейчас ждем ответа.

– А они смогут там нормально жить, развиваться?

– Думаю, там сидят не дураки. Какое-никакое образование и нормальный уход они получают.

24 декабря 1969 г.,

Мэджик-Сити.

Моя милая Оксетт!

Поздравляю тебя с Новым годом и желаю здоровья и успехов, любви, радости и счастья!

Как твои дела, как колледж, что нового в Маргарита-Сити? Кстати, думаю, тебе небезынтересно будет узнать о судьбе неких синеглазых близняшек. Их удочерил не кто-

нибудь, а сам Ник Либстер! Представляешь, он делал какое-то свое исследование (поди разбери, что на уме у этих психиатров!) у нас в госпитале и увидел Ринки. После этого он долго меня обхаживал, ходил вокруг да около, и, наконец, раскололся! Мы с ним имели долгий, и, поверь, весьма серьезный разговор. Он меня убедил, что сможет дать девочкам то, чего им не дадут в убогом доме.

Полагаю, что это известие тебя порадовало. Скучаю по тебе, надеюсь увидеть в студенческие каникулы. Целую крепко!

Твой герр профессор Норберт фон Далецки.

Сказать, что Николас Джеффо Либстер был известен, значило ничего не сказать. Этот пользующийся заслуженной мировой славой психиатр был, что называется, врачом милостью Божьей. В свое время им был разработан успешный метод лечения некоторых тяжелых форм шизофрении, за что Либстер получил титул профессора Грэндтайдского Университета и Нобелевскую премию 1965 года. Он имел под своим началом прекрасно оборудованную психиатрическую клинику неподалеку от Мэджик-Сити, где практиковал сам и набрал отличный штат врачей. Клиника Либстера пользовалась славой не только в Сэнгамоне, к нему везли пациентов со всего мира. Кроме того, знаменитый доктор читал лекции в медицинских колледжах и институтах.

В конце 1969 года Ник Либстер курировал группу студентов, занятую медицинской практикой в психиатрическом отделении Мемориальной больницы Мэджик-Сити. Однажды душным ноябрьским вечером к нему в кабинет вошел студент Ларкин, тощий пятикурсник, зубрила, часто занимавшийся мелким подхалимажем:

– Здравствуйте, проф! – начал он с порога – У меня вопрос.

– Валяйте! – ответил Либстер.

– К какой категории отнести здешних сиамских близнецов?

– Каких таких сиамских, Ларкин? Я не знаю здесь ни о каких сиамских близнецах.

– В детском отделении, в боксах.

– А, хозяйство старика фон Далецки! Но он мне ничего не говорил.

– Так я случайно о них узнал! – взхлеб протараторил Ларкин – Сиделка рассказала.

Очень интересный экземпляр: две ноги, два туловища, четыре руки...

– ...И если продолжать последовательность, восемь голов и шестнадцать ушей.– закончил за него Либстер.

– Я не шучу, проф! – обиделся Ларкин – Это же беспрецедентно! Генная мутация!

– Ларкин, не кипятитесь, прецедентов масса. Будете в Филадельфии – загляните в тамошний музей хирургии. Сиамских близнецов обычно определяют в категорию инвалидов с детства. Кстати, Вы не поинтересовались, каковы у них шансы?

– Не знаю, проф. Знаю только, что им уже три с половиной месяца, и они вполне жизнеспособны.

– О'кей, Ларкин. Еще вопросы есть?

– Нет, проф.

– Тогда – до завтра. Идите, отдыхайте.

Как только шаги студента затихли в другом конце гулкого коридора, Либстер решительно встал и направился в детское отделение.

Дежурная сиделка всем своим могучим бюстом встала на защиту бокса номер пять. Не помогали никакие увещевания, ни фамилии фон Далецки и Либстер. Пришлось возвращаться в свой кабинет за пропуском. Лишь оранжевая пластиковая карточка уладила сурового цербера. Ник вошел внутрь.

Девочки не спали. Они внимательно поглядели на нового гостя. Либстер был удивлен, если не сказать – поражен. Судя по всему, близняшкам было хорошо в общем теле; на коже

нигде, даже в тех местах, которые должны были постоянно соприкасаться и тереться, не было заметно раздражений. Как психиатр, Николас был приятно удивлен спокойствием девочек, их смысленным, изучающим взглядом. Он протянул своим новым знакомым палец. Нежные младенческие пальчики коснулись его руки. Девочки заулыбались. Через минуту они уже без помощи Ника схватили погремушку и играли с ним.

Несмотря на постоянные знаки неодобрения со стороны ревностной сиделки, Ник стал часто заходить в бокс номер пять. Работы у него сейчас было мало, в основном – консультации со студентами. Играя с девочками, лаская их, Ник логически подходил к самому ответственному решению в своей жизни.

Детей, как, впрочем, и жены, у Ника не было; он просто настолько привык с юности к самостоятельной жизни, что как-то забыл жениться. Женщины были от него без ума, неоднократно делались попытки женить его, но хитроумный Ник мастерски уходил из расставленных сетей. У него было несколько бурных скоротечных романов, но ни одна из обольстительниц не оставила в его жизни скольнибудь заметного следа. Правда, как сказал кто-то мудрый, если к сорока годам в комнате мужчины не раздаются детские голоса, в ней поселяются кошмары. В отношении Ника эта сентенция, к большому сожалению, оказалась справедлива: в свои тридцать шесть он начал ловить себя на том, что если в его жизни не появится близкий человек, то вскоре ему может понадобиться помощь его коллеги-психиатра. Ринки так тронули его сердце, что он решил удочерить их. Долгими вечерами, сидя у себя в номере, Ник трезво оценивал ситуацию и приходил неизменно к выводу, что ничего кроме пользы от этого не будет. Он сможет дать девочкам неизмеримо больше, чем все сиротские дома мира: в первую очередь, сознание полноценности и нужности. На скудость средств Ник не жаловался, при его сорока пяти тысячах годового дохода он смог бы отлично их обеспечить и дать им образование. Итак, Ник решился.

В одно из хмурых декабрьских утр, под конец студенческой практики, Ник вошел в кабинет профессора Далецки. Профессор, недавно вернувшийся с обхода, был в неплохом расположении духа.

– Доброе утро, док Либстер! Что вас привело ко мне? – пафосно произнес пожилой хирург, но тут же улыбнулся: на лице Ника отражалась сложная гамма чувств, среди которых преобладало смущение.

– Здравствуйте, проф. У меня чисто личный вопрос.

– Интересно! Давно ко мне не приходили с личными вопросами. – Фон Далецки указал Нику на кресло.

– Я хотел бы знать, что Вы предпринимаете, когда у Вас появляются, скажем так, дети, от которых отказались родители? – Ник уселся на краешек сидения и сцепил руки в замок.

– Мы связываемся с детскими приютами и устраиваем их туда.

– А если ребенок родился с физическим изъяном?

– Тогда мы оставляем его у себя, по возможности ликвидируем изъян, а если он неустраним, передаем ребенка в дом инвалидов. Коллега, ведь Вы это прекрасно и без меня знаете. Ближе к делу.

– Проф, я бы хотел узнать, реально ли мне удочерить девочек из пятого бокса? – выдохнул Ник.

Далецки не поверил своим ушам.

– А как посмотрит на это, простите за бестактность, Ваша жена?

– Смотреть некому. Я не женат.

– Ну, раз так, то полагаю, что проблем с моей стороны не будет. Утрясите юридические формальности. Я с удовольствием помогу Вам, мистер Либстер, уладить проблемы с законниками. Как я понимаю, этот шаг Вы хорошо обдумали, и отговаривать Вас бессмысленно.

– Вы правы, дорогой проф. Я, знаете ли, одинок. Извините за сентиментальность, но близких людей у меня, к сожалению, не осталось. Честно говоря, я побаиваюсь попросту свихнуться. То-то будет весело! Нобелевский лауреат, профессор психиатрии попадает в желтый дом... Я абсолютно уверен, что смогу быть полезен этим малышам, чувствуется, они большие умницы и должны иметь в жизни нечто большее, чем просто вовремя поданную еду и стиральные простыни.

– Полностью с Вами солидарен. Признаться, я до недавних пор был убежден, что девочки интересуют Вас лишь с точки зрения ученого–психиатра... – Далецки поднял ладони – Признаю свою неправоту. Мне было известно, что Вы зачастили ко мне в боксы. Я даже хотел просить Вас дать заключение по этим девочкам, как специалиста, для дома инвалидов.

– Ну, сейчас очень трудно сказать что-либо определенное, но мне они очень нравятся: жизнерадостные, веселые, никаких физических страданий. Похоже, единственное, что им грозит в будущем – это трудности с адаптацией в обществе. Но тут я уж приложу максимум усилий, чтобы все было нормально.

– Ваша репутация, врачебный авторитет и мои личные наблюдения производят на меня хорошее впечатление, док Либстер. – несколько высокопарно произнес фон Далецки – Я сегодня же отзываю запросы в дома инвалидов и начинаю хлопотать о Ринки. Значит, они станут Эрин и Морин Либстер?

– Ринки Либстер, с Вашего позволения, проф! – расплылся в улыбке Ник.

Ранним предновогодним утром Ник подъехал к зданию Мемориальной больницы на своем двухместном монстре "Уния Увертюра". На пассажирском месте лежали в пластиковой папке все необходимые документы. Его с утра приподнятое настроение омрачалось лишь поднявшимся откуда-то из глубин души чувством неуверенности. "Смогу ли я?" – спрашивал лукавый тоненький голосок. Ник про себя прекрасно знал, что мосты сожжены, решение принято, да и не в его свойствах было менять свои решения, но муть в душе не оседала. "А что будет, если ты их потеряешь? – не унимался червь сомнения – Ты же сам пропадешь! Не лучше ли оставить все, как оно есть?"

Ник медлил; он открыл окно и закурил. Свежий ветер с моря дунул ему в лицо и заставил колыхаться непокорные спирали черных иудейских волос, в которых еще года три назад не было заметно седины. Сигарета догорела в пальцах до фильтра, Ник затянулся лишь дважды. Этот ветер, которому Мэджик-Сити был обязан своим именем – по поверью, бриз с моря мог волшебным образом излечивать самые тяжелые недуги – прогнал сомнения из души Ника. Он щелчком выбросил окурочек и вышел из машины.

– А, это вы, Николас! Здравствуйте. Надеюсь, все в порядке? – встретил его фон Далецки.

– Здравствуйте, профессор. Я привез документы.

Фон Далецки нагнулся к селектору:

– Сиделка Экхольм? Принесите девочек из пятого бокса ко мне в кабинет. И еще. Скажите служителю, чтобы он собрал все их вещи и тоже нес сюда.

Селектор квакнул что-то невразумительное.

– Их удочерили. – сказал Далецки в микрофон.

Селектор расквакался в ответ, но профессор не стал слушать и просто отключил его.

– Кстати, я должен поблагодарить Вас, док Либстер. Вы сняли тяжеленный камень с моей души, да и не только с моей.

Ник вопросительно посмотрел на профессора.

– Дело в том, что я, как и Вы, док, привязался к этим негодницам самым nepозволительным для старика образом. Но что я, кандидат в пенсионеры, мог сделать для них? Только подольше продержат их здесь, где я сам могу поручиться, что им будет хорошо, они получат внимание и уход. Кстати, их видела моя племянница, порядочная язва, которая была ими

покорена за пару минут. Она мне в каждом письме задает о них вопросы. Теперь я смогу ее обрадовать.

– Да, проф, я тоже очень доволен. Хотя, признаться, когда я сейчас сюда подъехал, меня посетила мысль бросить все. Подленькая такая мыслишка, моральные оправдания даже нашлись.

Фон Далецки посмотрел на Ника поверх очков.

– Должен ли я понимать это так, что Вы жалеете о данном слове, но честь не позволяет взять его назад?

– О нет, что Вы, проф! Я просто, наверное, сожалел о комфортном и беззаботном прошлом. Так, скорее всего, бывает с любым человеком, меняющим свою жизнь. Я от своих решений ни в коем случае не отказываюсь.

Вошла сиделка средних лет с распущенными скандинавскими волосами и необъятным бюстом, добровольный Цербер Ринки и тайная осудительница Ника, держа на руках плачущих девочек. Не взглянув даже на профессора, она метнула на Либстера полный праведного гнева взгляд, довольно резко приземлила близняшек на пеленальный столик, стоявший в углу кабинета и направилась к двери.

– Одну секунду, миссис Экхольм! – сказал Ник. Женщина остановилась.

– Мисс. Что Вам, сэр? – спросила она глухим голосом.

– Простите мое любопытство, мисс Экхольм, но почему Ваша любовь к девочкам прервалась лишь до момента их удочерения? – Ник встал, подошел к пеленальному столику, на котором продолжали реветь его дочки, и распустил узел пеленок, завязанный слишком туго. Ринки удивленно посмотрели на Ника, он подмигнул им и сделал "козу рогатую". На заплаканных физиономиях расцвели беззубые улыбки.

– Кто вам сказал?

– Как-то без особой любви Вы уронили их на столик.

– Я о другом, сэр. Кто вам сказал, что я их когда-нибудь любила? Я несла свой крест.

– И что же, ни сочувствия, ни жалости Вы к ним не испытывали? Как там по Библии: возлюби ближнего своего, не так ли?

– Они мне не ближние! Они дьяволово семя! Они мне были посланы как испытание, а вы их у меня забрали!!! – голос женщины поднялся до визга, она опять сверкнула глазами и вдруг оскалилась. Зрелище было не из приятных.

– А кто же тогда Вам – ближние?

– Кто угодно! Нормальные детки, у которых все на месте и нет ничего лишнего!..

Она осеклась; Ник улыбался.

– Мисс Экхольм, я от всей души надеюсь с Вами больше не увидеться никогда. Но напоследок я бы попросил Вас ответить на один вопрос: не думаете ли Вы, что физические уродства посылаются людям Богом для испытания и укрепления духа?

– Это так...

– Так почему же Вы считаете Ринки дьяволовым семенем?

– Они не мучаются. Они УМИРОТВОРЕННЫ. Так не должно быть... Это от дьявола.

– А Вам это точно известно? Может быть, их испытание состоит в том, чтобы они ужились в одном мире с такими, как ВЫ, мисс Экхольм? Что страшнее, как Вы считаете, физические страдания или моральные?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.